

УДК 316.014

DOI: 10.17223/2312461X/15/8

«ПОЛУГОРОДСКИЕ ФЕРМЕРЫ» И «КИТАЙЦЫ-ОГОРОДНИКИ»: ПОСТКОЛХОЗНАЯ РЕНТА В НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ ПРИГОРОДА*

Константин Вадимович Григоричев

Аннотация. Статья посвящена анализу развития неформальных экономических практик в контексте неинституализированного пригородного пространства. Основным вопросом является влияние колхозного прошлого на специфику развития экономики постсоветского пригорода. Исследование выполнено в жанре кейс-стади и основано на серии полуформализованных интервью 2016 г. и полевых наблюдений в пригородной зоне Иркутска 2009–2016 гг. Показывается, что важнейшей основой неформальной экономической деятельности местных жителей пригорода является использование наследия деятельности колхозов, которое обозначается автором как постколхозная рента. Рассматриваемый кейс позволяет обозначить несколько вариантов такой ренты: переход полностью в нелегальную экономическую деятельность, отход от принципов рынка к реципрокности хозяйственных отношений и использование современной административной ренты для пользования рентой постколхозной. На основе постколхозной ренты формируются также бизнес-практики трансграничных мигрантов, связанные с неформальной экономикой пригорода. При всем различии этих стратегий их объединяет устойчивое воспроизводство неформальных отношений как основы деятельности. Это позволяет говорить о том, что система прошлых отношений (колхоз) являет одним из основных факторов воспроизводства неформальных экономических практик современного пригорода.

Ключевые слова: пригород, неформальная экономика, колхозы

Пригородов в России формально нет: в административно-территориальном делении, нормативных и статистических описаниях за городской чертой начинаются сельские районы. Оппозитная дихотомия пространства «город – село» институализирована организацией системы управления, номенклатурой властных и управленческих ведомств, структурой тарифов и нормативами социального обеспечения. Такое деление пространства, закрепленное во всех системах описания, формально исключает существование пригорода как переходной зоны, сво-

* Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России (проект «Дискурсивные механизмы конструирования границ в гетерогенном обществе востока России») и гранта РФФИ (проект № 16-06-00072 «Неформальная экономика пригорода: развитие социально-экономического пространства пригородной зоны восточносибирского города (на материалах г. Иркутска)»).

его рода «третьего пространства». Почти нет пригородов как объекта изучения и в современных отечественных исследованиях (Бреславский 2016).

Вместе с тем пригороды прочно вошли в повседневность большинства крупных сибирских городов. На фоне общей депопуляции востока России численность населения пригородных районов сохраняется и даже растет. Особенно заметным этот рост становится летом, когда пригородные транспортные магистрали оказываются нагруженными больше, чем многие городские маршруты. Неотрефлексированные идеи субурбанизма как образа жизни (Fava 1956; Walks 2013) все больше проникают в российское общество, изменяя представление о собственном доме как форме элитного потребления (Хамфри 2010) в пользу привлекательной альтернативы городской квартире.

Одним из признаков появления пригородов как большого самостоятельного пространства является формирование здесь специфической экономики. Эта новая экономическая активность почти не отражается в статистических описаниях, частью в силу несовершенства муниципальной статистики (Моляренко 2016), частью вследствие ненаблюдаемого характера. Вместе с тем она визуально отчетливо маркируется появлением несельских видов и форм экономической деятельности, прежде всего сферы услуг, масштабных супермаркетов, наконец, визуальной коммерческой рекламой, не свойственной внегородскому пространству. Появление таких «городских» видов деятельности в формально «сельском» пространстве свидетельствует не только об изменении структуры пригородной экономики, но и об очевидном источнике новой деловой активности, которым являются город и горожане.

Но что происходит с исчезающей сельской экономикой пригородной зоны? Уходит ли безвозвратно в прошлое организация пространства и жизни сообществ советской эпохи? Влияет ли это прошлое на характер современного развития (path dependence (Garrouste, Ioannides 2000; Mahoney 2000)) пригородной зоны, структуру и формы новой пригородной экономики?

Задача этого текста – анализ развития неформальных экономических практик в контексте неинституализированного пригородного пространства. Неформальная экономическая деятельность понимается как деятельность, частью игнорирующая, частью не предполагающая контрактных отношений (Барсукова 2000: 53), в рамках которой можно с большей или меньшей условностью выделить скрываемую и ненаблюдаемую сферу (Радаев 2008: 178–179). Меня интересует использование коренными жителями пригородных поселений «наследства» колхозов, в которых раньше состояла большая часть домохозяйств, то, как колхозное прошлое определяет специфику развития экономики постсоветского пригорода.

Эмпирическую основу исследования составляет небольшой исследовательский кейс 2015 г., который при всей ограниченности масштабов дает хороший материал для формирования исследовательской гипотезы. Анализ построен также на основе серии полужормализованных интервью 2016 г. и полевых наблюдений в пригородной зоне Иркутска 2009–2016 гг. Все цитаты относятся к интервью 2016 г. и анонимизированы по согласованию с респондентами. Встречающаяся в интервью обценная лексика заменена принятыми эквивалентами.

«Пятеро потных мужиков» и «крузёры»: обоснование исследовательского кейса

Поводом и одновременно механизмом вхождения в поле стал нетипичный и даже несколько курьезный бизнес-проект группы горожан в пригороде Иркутска. Они попытались выстроить бизнес-модель пригородного овощеводства, основанную преимущественно на неформальных практиках. Участниками стали пятеро достаточно состоятельных горожан, из которых четверо являются предпринимателями в различных сферах, а один – успешным политическим консультантом и политтехнологом.

Состав участников-«концессионеров», по ироничному самоопределению, предопределил опору на собственный предпринимательский опыт. Проведенный «на коленке» анализ рынка и продуктивности разных видов аграрного бизнеса привел к выбору двух культур для выращивания (картофель, морковь). *«Мы так и эдак покрутили, прикинули сколько во что вкладывать нужно. Всяко получалось, что картошка, вообще овощи требуют минимальных вложений и техники разной».* Однако из-за отсутствия аграрного опыта не было учтено множество климатических и конъюнктурных деталей, что в итоге обусловило нулевую рентабельность проекта.

Поскольку проект изначально определялся как некая апробация «авантюрной идеи», полноценного вхождения (с масштабными вложениями, закупкой техники, формированием штата работников и т.д.) не предполагалось. Прямые инвестиции были ограничены суммой 500 тыс. руб. (*«мы решили, что «сотка» – это та сумма для каждого, которую не страшно потерять»*), а решение проблем с техникой и персоналом предполагалось через неформальную аренду и неофициальный найм. Недостаток финансов предполагалось компенсировать собственным трудом в нерабочее время.

Проект не был масштабным. В распоряжении «концессионеров» на условиях безвозмездного пользования находилось около 3 га земли, из которых обрабатывалось не более 1 га. Продолжительность активного сезона составила около пяти месяцев, а общий цикл проекта с учетом

продажи продукции – чуть менее года. Сбыт продукции происходил преимущественно через социальные сети (Facebook), небольшими партиями и на условиях самовывоза из хранилища, в качестве которого использовалось место в кооперативном подвале, принадлежавшее одному из участников.

Трудились сами участники, для которых тяжелая и малоквалифицированная работа не типична ни по роду деятельности, ни по визуальным атрибутам высокого статуса. Один из них иронично описывает: *«Представь себе такой сюр: на пригорке стоят пять недешиёвых машин, из которых моя – самая занюханная, – «кружёры», «патрол», и пятеро потных мужиков из них возятся на пашине»*. Участие в проекте стало для «концессионеров» конвертацией свободного времени, полученного благодаря статусу и доходам, в работу неоплачиваемую. Это противоречие глобальному тренду (Гершуни 2004: 404–406) стало причиной свертывания проекта: *«Когда среди дня у трактора ломается что-то, и... [один из участников проекта. – К.Г.] бросает стройку, в которую вложены миллионы, и летит за запчастями, это, согласись, ненормально»*.

Производственный цикл потребовал привлечения довольно широкого круга партнеров. В качестве консультанта был приглашен сотрудник локальной администрации, работавший ранее агрономом. В масштабных полевых работах использовались мигранты из Средней Азии («узбеки»). «Узбек» – это не обязательно этнический узбек или мигрант из Узбекистана. Это скорее собирательное определение трудовых мигрантов из постсоветских центральноазиатских стран. Ранее в этом качестве преобладало определение «таджик» (Дятлов 2011: 520–525).

При выполнении специальных сельскохозяйственных работ (вспашка, посев, уборка) привлекались на условиях неформальной оплаты местные жители, у которых арендовалась и специальная техника. Ситуативно решались с ними и внеплановые вопросы – срочный ремонт, вытягивание забуксовавшей техники и т.п. Возникали контакты с конкурентами в лице местных фермеров и китайских мигрантов, арендующих поля для овощеводства.

Иными словами, при всей нетипичности и даже некоторой курьезности кейса, он обладает двумя чрезвычайно важными свойствами. С одной стороны, этот бизнес-проект был изначально ориентирован на включение в систему неформальных экономических отношений современного пригорода. Его участники включались в эти правила игры, рассчитывая на собственное понимание механизмов неформальных взаимодействий, выработанное в городских условиях. Происходит погружение в неформальную среду, включение в систему неформальных взаимодействий в экономической и смежной сферах.

С другой стороны, кейс отличает многообразие сторон неформальных взаимодействий: участники бизнес-проекта, несколько групп мест-

ных жителей, представители локальной администрации (власти), несколько групп трансграничных мигрантов. Хозяйственная деятельность в пригороде, ориентированная на городских потребителей, обусловила формирование / актуализацию отношений и в городском, и в сельском сообществе. Многообразие поводов для контакта и конкретных способов таких взаимодействий позволяет взглянуть на неформальную экономику пригорода как на механизм конструирования сетевого пространства, описываемого в транснациональном (Кастельс 2000) и общероссийском (Барсукова 2000) масштабах, на локальном уровне.

Кейс демонстрирует пример реальной, но не фиксируемой экономической деятельности, специфичной для пригородной зоны. Это позволяет не только описать один из случаев неформальной экономики, но и предложить «социально-экономическую» интерпретацию эффекта ненаблюдаемости пригорода как особого пространства.

Местные жители: варианты постколхозной ренты в неформальной экономике

Материалы кейса демонстрируют многообразие участников пригородной экономики. В отечественных исследованиях устойчиво выделяется лишь две стороны взаимодействий: местные жители и дачники / переселенцы из города (см. напр.: Бреславский 2015; Нефедова 2012). Если последние контекстуально демонстрируют некоторую гетерогенность (владельцы дорогих коттеджей, дачники в садоводческих некоммерческих товариществах, горожане, перебравшиеся в пригород на постоянное жительство), то коренные жители предстают достаточно гомогенной группой.

Однако опыт отношений с ними в течение короткого полевого сезона продемонстрировал и их неоднородность, по крайней мере, с позиции участия в пригородной экономике. Их объединяет лишь то, что все они являются либо работниками колхоза, существовавшего здесь до начала девяностых, либо членами их семей. После ликвидации колхоза как юридического лица входившие в него домохозяйства унаследовали его имущество: сельскохозяйственные земли, распределенные в виде «паев», технику и оборудование. Не буду останавливаться на юридических основаниях такого рода наследования – траектории того или иного колхозного имущества до попадания в руки современных собственников могут быть весьма замысловаты. Отмечу, что бывшие члены колхоза получили своего рода капитал, ликвидность которого могла существенно меняться. При всей нестабильности экономической ситуации именно он давал возможность ведения экономической деятельности, будь то предоставление земельных участков в аренду или ведение хозяйственной деятельности с использованием доставшейся техники.

Возможность получения дохода от такого имущества я обозначу как постколхозную ренту. Это вариант приватизации биографии – довольно широко распространенной основы постсоветской неформальной экономики (Бляхер 2012). Использование такой ренты является важнейшей особенностью хозяйственной деятельности коренных жителей и горожан, формирующих иркутскую субурбию. Это хорошо заметно и на примере кейса: основой бизнес-проекта явились собственный денежный капитал и система неформальных связей.

Участники проекта взаимодействовали как минимум с тремя группами местных жителей, различающихся по сфере занятости и способу получения постколхозной ренты:

- занятые преимущественно в неформальном лесопользовании;
- сочетающие занятость в городе и сельскохозяйственную обработку небольших земельных участков («колхозных паев»);
- сотрудники локальных администраций.

Рассмотрю последовательно каждую из выделенных групп.

Местные жители, занятые в неформальном лесопользовании.

Основу этой группы составляют жители пригородных поселений, работавшие ранее в колхозах и на предприятиях по обслуживанию тяжелой техники, а также их дети. Для них типичен официальный статус безработного либо работа в городе с графиком работы «сутки через трое» – водителями, охранниками и т.п. Фактическая же занятость чаще всего связана с незаконной вырубкой леса для продажи в лесозаготовительных «фирмах» Иркутска. Основой деятельности является не новая, но работоспособная мощная техника (полноприводные грузовые автомобили с манипуляторами-погрузчиками), «доставшаяся» после ликвидации колхозов и / или банкротства предприятий.

Материалы кейса не позволяют говорить об уровне организации такой деятельности, однако имеющиеся публикации дают возможность предполагать ее неорганизованный характер. Пользуясь определением спектра участников неформального лесопользования К. Титаева (2005), это скорее «получатели социальных лимитов и местные жители», чем «лесопользователи». Криминальная деятельность по вырубке леса здесь имеет нерегулярный, слабо организованный характер, сопряжена с высоким риском в силу несистемного включения в неформальные сети лесопользования. По словам респондентов, это слой местных жителей с наиболее высокими доходами. Фактически это представители сегмента пригородной экономики с наиболее высоким уровнем монетизации: *«Экономика, где есть бабки – это лес. И всё, больше нормального количества бабла нет нигде там».*

Включенность в высокодоходную и полностью скрываемую от «государства» (и, следовательно, не облагаемую налогами) деятельность исключает мотивацию для занятости в аграрном секторе или в

сфере услуг. *«Сам посуду, три мужика за ночь грузят и вывозят машину леса. Даже при самом плохом варианте, по пятерке [пять тысяч рублей. – К.Г.]» на каждого. Они смотрели на нас как на придурков, как в цирке – “здесь же бабок не заработать”!*» Высокий уровень денежных доходов и приобщенность к неформальным сетям за пределами собственно пригородной зоны порождают репрезентации этой группы как своего рода «элиты». Вместе с тем преобладание здесь практик «черной рубки», как показывает И. Олимпиева (2005: 11), исключает возможность включения в полуформальные отношения («серые рубки»). Это, вероятно, объясняет контекстуальное сходство описаний представителей данной группы с образами рядовых участников «силового предпринимательства» («мускул», «мясо» и т.п.) (Волков 2012).

Криминальность хозяйственных практик полностью исключает эту группу из статистических описаний экономики пригородной зоны. При максимальном внимании региональных медиа к проблемам черных рубок ни реальный масштаб, ни степень участия местных жителей пригорода в этой деятельности не ясны. Очевидна лишь опора на горизонтальные сети, выходящие далеко за пределы пригородных поселений, и постколхозную ренту.

Высокая относительно других групп местных жителей доходность исключает их участие в иных сферах локальной экономики. Показательно, что взаимодействие с ними участников бизнес-проекта ограничивалось разовыми, случайными контактами в форс-мажорных обстоятельствах, требующих привлечения тяжелой техники. И специфика деятельности, и сложившаяся мотивация полностью выводят участников неформального лесопользования за пределы наблюдаемой экономики пригорода.

Местные жители, сочетающие занятость в городе и сельскохозяйственную обработку небольших земельных участков («колхозных паев»). В основном это тоже бывшие работники колхозов. Базой для ведения экономической деятельности этой группы являются небольшие (3–4 гектара) участки земли сельскохозяйственного назначения – «паи», доставшиеся при ликвидации колхозов. Нередко в собственности одного домохозяйства находятся 2–3 таких «пая», обработкой которых занимается семья. Однако, по материалам моего кейса, обрабатывается не более 7–8 га земли, что определяется, с одной стороны, ограниченным количеством рабочих рук, а с другой – наличием только маломощной устаревшей техники, доставшейся «в наследство» от колхоза. *«Знаешь, мы, когда ездили, искали там специалистов (ну, там тракториста и кто может с сеялкой справиться), видно, что почти в каждом таком дворе есть небольшая техника. Видно, что старая, но ремонтируют – то новый блок торчит, то навесное подваренное какое-то».*

В большинстве случаев подобная деятельность ведется без регистрации (ни в качестве индивидуального предпринимателя, ни в качестве юридического лица). Это связано со стремлением уйти от любого налогообложения, что формально позволяет отнести ее к «скрываемому» сегменту неформальной экономики. Вместе с тем реализация продукции преимущественно в пределах домохозяйства, невысокая степень товарности и незначительные масштабы сближают ее с «ненаблюдаемой» домашней экономикой.

Эта группа поставляла «концессионерам» специализированные услуги по посадке выращиваемых культур, их обработке, предоставляла специальную технику. Несколько местных жителей были неформально наняты на условиях разовой оплаты для выполнения работ, требующих опыта и специализированной техники. Поиск таких специалистов проводился через опрос населения (*«да сарафанное радио, как еще искать-то»*).

Техника поддерживается в исправном состоянии не только для обработки собственной земли, но и для предоставления соответствующих «услуг» соседям. Маломощность хозяйств не позволяет им иметь весь спектр необходимой техники и инвентаря. Фактически это выводит взаимодействия внутри группы за пределы кооперации (объединения ресурсов для ведения совместного хозяйства) и погружает их в систему реципрокных отношений в классическом прочтении М. Мосса (1996). Действие (вспашка, боронование и т.д.) выступает здесь не монетизированной услугой, а своего рода даром, который не может быть оплачен, а только возвращен. Характер такого дара определяется аграрным циклом и сложившимся распределением ресурсов.

Попытки участников бизнес-проекта вклиниться в эту систему отношений не всегда были успешны. Готовность оплачивать услуги специалистов «живыми» деньгами не гарантировала их получение вовремя. Все определялось наличием свободного времени у нанимаемого работника, в том числе – от обязательств в отношении односельчан. *«Ему мало, что деньги суешь, еще уговаривать надо: у него то Ваське сено убирать, то Маньке морковку обрабатывать. Они вообще не привыкли, что за это деньги дают».*

Такая реконструкция экономики дара мне представляется чрезвычайно важной. Дарообмен как основа хозяйственных взаимодействий, очевидно, выводит такую деятельность за пределы наблюдаемой экономики. Фиксация услуги как дара в качестве экономической транзакции невозможна. Поскольку же именно такой набор взаимодействий формирует основу хозяйствования, то она прочно остается вне статистических наблюдений и фиксируемого в них образа территории и сообществ. Вместе с тем реципрокность как основа взаимодействий формирует, пожалуй, наиболее устойчивые горизонтальные сети, которые

функционируют на доверии в противовес обезличиванию рынка (Поляны 2002).

Иными словами, эта группа воспользовалась «наследием» колхоза не для прямой его коммодификации, а для отхода от принципа рынка к принципу реципрокности. Низкодоходная по сравнению, например, с неформальным лесопользованием, такая практика также выводит хозяйствование за пределы наблюдаемой экономики, но оставляет при этом возможности для включения в «серые» отношения. Легальная собственность, отсутствие прямых криминальных действий позволяют включаться в систему транслокальных экономических транзакций, замыкающихся на городском потребителе.

Сотрудники локальных администраций, имеющие профессиональный опыт в аграрной сфере. Эта группа представлена специалистом районной администрации, который ранее работал агрономом. Договоренность о постоянном консультировании на протяжении всего сельскохозяйственного цикла основывалась на неконтрактной основе: *«За отдельные бабки договорились, что... [специалист. – К.Г.] будет вести нас, говорить, что когда лучше делать, какие, там, химикаты покупать»*.

Уже к середине цикла выяснилось, что качество наемного консультанта не устраивает участников проекта и по уровню профессионализма, и по отношению к проекту: *«Все, что... знает, устарело! Говорит – обрабатывать вот этим, какой-то фигней, которой еще при Союзе работали. И мы сами лезем в Интернет, ищем, чем лучше, добываем. А... [консультанту. – К.Г.] по фигу»*. Отказаться от этих услуг оказалось достаточно сложно. Неизбежный конфликт мог испортить взаимоотношения с районной администрацией. Поэтому невыгодное сотрудничество продолжалось вплоть до завершения проекта.

Единичность описанной практики может вызвать вполне обоснованные сомнения в возможности выделения на этой основе отдельной группы. Однако практика подобного «консультирования» вполне устойчива и распространена. Первоначальный выбор консультанта основывался на распространенной информации о том, что этот специалист *«много фермеров “ведет”, его нам сразу посоветовали в администрации»*.

Здесь присутствует и выраженное отличие в используемой ренте. В основе выгодоприобретения лежит, с одной стороны, все та же постколхозная рента (опыт работы, знание местности с позиции «использования сельхозугодий»). Однако, с другой стороны, в этой практике отчетливо присутствует апелляция к властному статусу, что позволяет говорить о ренте административной (статусной). Фактически именно последняя позволяет извлекать постколхозную ренту, реализация которой без современной статусной позиции была бы затруднена. Одновре-

менно административная рента выводит представителей власти в «серую» зону, включая их в систему неформальных взаимодействий.

Таким образом, важнейшей основой неформальной экономической деятельности местных жителей пригорода является использование наследия деятельности колхозов, которое я обозначаю как постколхозная рента. Однако уже рассматриваемый кейс позволяет выделить как минимум три стратегии ее реализации: переход полностью в нелегальную экономическую деятельность, отход от принципов рынка к реципрокности хозяйственных отношений и использование современной административной ренты для пользования рентой постколхозной. При всем различии их объединяет устойчивое воспроизводство неформальных отношений как основы деятельности. Это позволяет говорить о том, что система прошлых отношений (колхоз) является одним из основных факторов воспроизводства неформальных экономических практик современного пригорода.

«Узбеки» и «китайцы-огородники»: трансграничные мигранты в аграрной экономике пригорода

Трансграничные мигранты появились в пригородной зоне достаточно давно: полевые исследования 2009–2010 гг. показали устойчивое присутствие двух больших групп – «китайцев-огородников» и «таджиков». Китайцы занимались товарным тепличным овощеводством, ориентированным на городской потребительский рынок. Полевые наблюдения 2014–2016 гг. и анализ медийных публикаций демонстрируют сохранение широко распространенного в России феномена «китайских теплиц» в пригородах многих крупных городов.

Вторая группа формировалась трудовыми мигрантами из стран постсоветской Центральной Азии, собирательно обозначаемых как «таджики». Деятельность этой группы, имеющей сложную пространственную организацию и многоуровневую структуру, была связана с подрядными работами по строительству и ремонту на основе неформального найма. Как показали полевые исследования 2009–2013 гг., динамичность и успешность ее включения в пригородные сообщества были связаны с интенсивным формированием населения пригорода за счет миграции из областного центра и масштабным индивидуальным жилищным строительством. Сохранение высоких темпов роста пригородного населения и расширения индивидуальной застройки позволяет предполагать, что масштабы присутствия данной группы существенно не изменились.

В рамках рассматриваемого мною бизнес-проекта взаимодействие выстраивалось с иными группами трудовых мигрантов: «узбеками» – трудовыми мигрантами, работающими на стройках Иркутска, и «китайцами-огородниками» – мигрантами из КНР, занятыми в нетеплич-

ном овощеводстве. Вполне очевидно, что обе эти группы относятся к тем же миграционным потокам, что и зафиксированные ранее в пригородной зоне. Специфика и локализация их деятельности связаны, скорее, с внутренней динамикой миграционных процессов. Более существенно другое: стремление выделить «новые» группы из устоявшихся представлений о мигрантах в пригороде может являться попыткой фиксации иного набора практик неформальных взаимодействий, отличного от выработанных ранее в контактах с «китайцами-огородниками» и «таджиками».

«Узбеки» – трудовые мигранты из постсоветской Азии. Привлечение трудовых мигрантов для выполнения объемных полевых работ рассматривалось участниками проекта в качестве одного из возможных вариантов обеспечения рабочими руками. Как такового специального найма для работы на полях «концессионеров» не происходило. Альтернативой поиску рабочих в пригороде стало полупринудительное привлечение трудовых мигрантов, работающих на стройках в городе. *«У знакомого... [одного из участников проекта. – К.Г.] в городе на стройке узбеки работали. Вот он нам их подогнал пару раз, пока у них работы не было – то ли кирпич ждали, то ли еще что».*

Привлечение «узбеков» на сельскохозяйственные работы участниками проекта не оплачивалось ни самим мигрантам, ни их городским нанимателям. Ситуация со стороны «городских» нанимателей мигрантов рассматривалась как безвозмездная помощь друзьям, основанная на устойчивых неформальных связях и не предполагающая какой-либо оплаты, кроме символического угощения («за коньячок»). Работа же мигрантов рассматривалась как выполнение неформального договора, заключенного с нанимателями в городе.

Этот фактически принудительный труд оказался предсказуемо неэффективным. Отсутствие формального контракта с мигрантами понималось их нанимателями как возможность использования «узбеков» по своему усмотрению в пределах рабочего времени. Учитывая ненормируемую продолжительность рабочего дня как господствующую практику среди трудовых мигрантов, такой взгляд означал возможность свободной эксплуатации. В свою очередь, ориентированные на строительные работы, которые они выполняли на стройках Иркутска не первый год, рабочие-мигранты воспринимали привлечение их на аграрные работы как нарушение неписанного контракта и оскорбление неквалифицированным трудом. Не имея возможности апеллировать к «букве» контракта, «узбеки» фактически саботировали работу на картофельном поле: *«Плохо они работают, убедился. Еле-еле, все время подгонять нужно. Да еще ворчат, что, мол, я строитель, столько лет езжу строить, а так я и дома, мол, могу работать – в поле, тяжело и бесplatно».*

В этой ситуации чрезвычайно интересна не только и не столько сама возможность нарушения неформальных договоренностей как злоупотребление неконтактными отношениями. Интересна возможность интерпретации ситуации как наличия неформального разделения рынка труда в среде мигрантов из постсоветских центральноазиатских стран и своего рода иерархии занятости. Сложившаяся в течение 15–20 лет система статусов мигрантов приводит к тому, что «городской вектор» установления неформальных экономических связей между городом и пригородом в логике привлечения малоквалифицированных рабочих рук оказывается неработоспособным. Аграрный сектор неформальной пригородной экономики для центральноазиатских мигрантов оказался закрыт.

«Китайцы-огородники», напротив, давно включены в аграрный сектор пригородной экономики. Основным направлением их деятельности является товарное овощеводство, полностью ориентированное на городской рынок сбыта. Основу ее составляет аренда и субаренда бывших колхозных земель у мелких собственников – бывших членов колхоза. Став еще одним вариантом постколхозной ренты, такая практика не предполагает каких-либо долговременных и масштабных стратегий землепользования и подталкивает к получению быстрой прибыли. В этом смысле краткосрочная аренда и субаренда, оформляемая через посредников-риэлторов, оказываются наиболее подходящими инструментами, не связанными с какими-либо рисками: «При заключении договора я свою комиссию забрал. Как риэлтор. Я землю нашел, передал в субаренду. Свою копейку, ну не всю, а 50 процентов, забрал. Остальные осенью» (В Иркутском... 2014).

Многочисленные небольшие земельные «паи», арендуемые у собственников, формируют достаточно крупные земельные массивы. Однако формально единого сельскохозяйственного предприятия при этом не возникает: формальные и неформальные договоры аренды и субаренды заключаются с каждым собственником индивидуально. В результате фактически действующее крупное пригородное овощеводческое хозяйство в статистических описаниях и в реестре предприятий отсутствует. Подобная практика землепользования, представляющая собой вариант постколхозной ренты, приводит к тому, что китайских пригородных хозяйств, как и тепличных комплексов («китайских теплиц»), в номинируемых описаниях территории нет.

При несомненном родстве миграционных потоков и схожести практик землепользования в неформальных тепличных комплексах и аренде полей, моими респондентами эти группы китайских мигрантов описываются как различные. «Китайцы-огородники» противопоставляются рабочим в теплицах как более заметная и открытая группа. В основе такого противопоставления, на мой взгляд, лежит, с одной стороны,

устойчивое дискурсивное исключение «китайских теплиц» и их обитателей из «нормального» пригородного пространства, а с другой – опыт прямых контактов с работающими на полях китайскими мигрантами. При отсутствии прямого взаимодействия с работниками теплиц представление об этой группе формируется в основном медийными публикациями, в которых китайские хозяйства показываются как «огороженные высоким забором» (Китайские... 2007), «отгородившиеся от страны» (Россия... 2012), от которых любые комиссии «китайцы отгоняют палками» (Корк, Игнатенко 2006). Представление же о китайских мигрантах, работающих на полях, напротив, сложилось у «концессионеров» в ходе непосредственного взаимодействия.

И рынок сбыта, и товарная продукция, и масштабы деятельности разводили участников проекта с «китайцами-огородниками», однако первый контакт с ними произошел в рамках конфликтной и конкурентной ситуации. Опираясь на представление о современных способах полеводства, участники бизнес-проекта попытались наладить орошение своего участка из небольшой речки. Для этого была привезена помпа, мощность которой оказалась несоразмерна небольшому хозяйству: *«Мы же неопытные, лохи такие, знаем, что поливать нужно, но какую помпу нужно – не знаем. Ну и не покупать же ее?! Взяли, какая у... [знакомого. – К.Г.] была, запустили, а уровень в речке на глазах начал падать. Мы ее в принципе могли вообще всю вычерпать...»*

В результате находившаяся ниже по течению аналогичная система орошения «китайцев-огородников» оказалась под угрозой отсутствия воды. Следствием стал неожиданный для Восточной Сибири водный конфликт, типичный, скорее, для центральноазиатских стран (см. напр.: Bichel 2009), где сложилась многовековая практика их разрешения. *«Помпа у нас минут 15 только проработала, и тут прилетели китайцы на джипе – сразу орать стали, мол, вы чего НАШУ воду забираете?! Мы тут же окрысились – какая это ВАША вода? Это НАША вода!»* [все выделения в цитате мои. – К.Г.]. Примечательно, что в центре конфликта оказался ресурс (вода), не принадлежащий ни одной из заинтересованных сторон, право на который определялось лишь фактом пользования. Все стороны конфликта фактически использовали воду для орошения незаконно, что полностью исключало перспективы урегулирования на формальных основаниях.

Конфликт был разрешен через прямые переговоры без апелляции к формальным правилам, представителям власти или традиции. *«Потом подъехала вторая машина, из нее женщина вышла – китаянка. Прилично одета, по-русски хорошо говорит. В итоге [договорились. – К.Г.], что вода вроде как общая, мы будем брать поменьше, и китайцам тоже достанется, и все довольны».* В этой ситуации мне представляется важным именно перевод конфликта в плоскость неформаль-

ного урегулирования. Признание воды общей ценностью произошло не на основе формального права или традиции, а на основе прагматичного расчета. Неучастие власти или местных жителей вывело их за круг участников отношений по поводу ресурса. Фактически конфликт стал механизмом символического присвоения (или точнее – перераспределения) природного ресурса, позволяющего внешним для пригорода группам включиться в локальное природопользование.

Такое включение оказалось возможным именно в среде, созданной неформальными экономическими практиками. Отказ от апелляции к норме (закону или традиции) становится здесь одним из механизмов воспроизводства неформальной экономики и построения горизонтальных сетей. Основанные на постколхозной ренте (аренда земли, техники, связанные с ней услуги), прямым получателем которой является местное население, такие бизнес-практики формируют сетевые отношения, в которых местные жители становятся не единственным и даже не основным участником. Опираясь на производство в пригороде, складывающиеся бизнес-модели выводят неформальную экономическую деятельность за пределы собственно пригородных локальностей.

«Полугородские фермеры»:

транслокальные практики в неформальной экономике пригорода

Особой группой в аграрном секторе экономики, с которой столкнулись участники бизнес-проекта, стали немногочисленные предприниматели, осуществляющие связь между мелкими производителями в пригороде и городом. Преимущественно это выходцы из пригородных поселений, работавшие ранее в колхозах, либо члены их семей, для которых постколхозная рента оказалась недостаточной. Это подтолкнуло к построению своеобразной бизнес-модели, основанной на неформальных практиках связи производства в пригороде и распределения в городе.

Отправной точкой здесь послужило не производство, а сбыт. Построение бизнеса «от сбыта» стало едва ли не единственным вариантом выхода за пределы замкнутого цикла экономики дарообмена. *«Понимаешь, без городского конца этого бизнеса нет. Много сам ты не произведешь, да и куда девать? Не будешь же ты свои две тонны картошки в сети [торговые. – К.Г.] сдавать. Да и не прожить с них».* Первым шагом в создании такого бизнеса является аренда постоянного места на продуктовом рынке для торговли продукцией личного хозяйства. Такой статус позволяет не регистрировать юридическое лицо и не демонстрировать объем продаваемого товара. Фактически же под видом собственной продукции перепродаются овощи от мелких производителей из числа жителей пригорода, а нередко и китайских мигрантов (как из «китайских теплиц», так и от «китайцев-огородников»).

Подобная бизнес-модель становится важнейшим элементом воспроизводства аграрного сектора ненаблюдаемой экономики пригорода. Отсутствие крупного хозяйства и крупного земельного участка снимает необходимость юридического оформления некоего фермерского или крестьянского хозяйства. Де-юре и статистически такого хозяйства в пригороде не возникает. Альтернативой ему являются множество плохо учитываемых мелких хозяйств и формально несуществующее производство китайских мигрантов. Распределенное производство, не требующее прямых денежных инвестиций, существенно снижает риски предпринимательства. Не возникает и какого-либо торгового предприятия: единственное, что отражается в статистике и иных документах, – это аренда частным лицом торгового места на рынке. Иными словами, подобная бизнес-модель не только сама основывается на неформальных экономических практиках, но и закрепляет существующие модели ненаблюдаемой экономики в пригороде.

Закономерным следствием является распределение жизни предпринимателя между городом и пригородом. Проводя большую часть рабочего времени в городе, где находится ключевой «конец» бизнеса, он сохраняет место жительства в пригороде. *«Вот... [такой предприниматель. – К.Г.]: у нее точка на Центральном рынке, где она весь день продает типа “свою” картошку. А в [пригородном поселении. – К.Г.] у нее дом... [большой. – К.Г.] двор, там техника, от колхоза оставшаяся. Она сама, конечно, уже ничего не выращивает, покупает у своих, у китайцев, продает. Но живет там, в пригороде».* Респондент называет подобных предпринимателей «полугородскими фермерами»: *«Они, знаешь, и фермеры не совсем, и не горожане даже вроде. Но и не колхозники...».*

Префикс «полу-» здесь отчетливо маркирует транслокальное положение таких предпринимателей, которые не являются полноценными членами ни сельского (пригородного), ни городского сообщества, а занимают промежуточное, контактное положение, производящее новые идентичности (Appadurai 2003). Появление таких позиций, в свою очередь, подчеркивает переходность и контактность пригородной зоны. Переходность не только как контактное пространство сельской и городской систем отношений, но и как трансформацию советской модели аграрной пригородной экономики, один из механизмов постсоветского транзита. Вектор и характеристики трансформаций здесь задаются, с одной стороны, постколхозной рентой, а с другой – господством неформальных экономических практик в пространстве пригорода.

Заключение

Пригород и его специфическая экономика все более прочно входят в повседневность крупных российских городов. При всем многообразии

вариантов формирования субурбий (от актуализации урбанизационной миграции до распространения идей субурбанизма как альтернативы городу) экономическая активность здесь контекстуально связывается с городом. В условиях отсутствия статистического и нормативного описания пригорода как особого пространства постулирование ключевой роли города и горожан как проводников новой экономической активности представляется логичным и закономерным. К этому же выводу подталкивают и визуальные маркеры пригорода, связанные с несельскими деловыми практиками: визуальная реклама, распространение «городских» форм торговли и услуг.

Однако прежние формы хозяйствования и системы отношений, господствовавшие в сельских пригородных сообществах на протяжении многих десятилетий, продолжают оказывать влияние (path dependence) на современную экономику пригорода. Наследие колхозов, «разворованное» и «утраченное», согласно господствующим медийным штампам и массовым стереотипам, обуславливает, на мой взгляд, не исчезновение аграрной экономики, а уход ее в тень. Постколхозная рента определяет неформальный характер развития этого сектора. Независимо от спектра участников экономические практики, так или иначе базирующиеся на наследии колхозов, выводят экономическую активность из сферы наблюдаемой экономики, формируя образ пустого пространства (Бляхер 2014: 69–72).

Варианты получения постколхозной ренты в значительной степени определяют не только динамику и внутреннее структурирование аграрной экономики пригорода. «Наследие колхозов» делает возможным развитие мигрантской экономики. Именно наличие бывших колхозных земель, сдающихся в аренду или проданных бывшими колхозниками, лежит в основе экономических операций с землей в пригороде, как формальных, так и неформальных. Именно это обстоятельство является базой для стремительного роста индивидуального жилищного строительства, которое, в свою очередь, является важнейшей составляющей роста современной субурбии Иркутска. Иными словами, постколхозная рента оказывается не только основой для формирования и функционирования неформальной экономики пригорода, но и важнейшим элементом формирования самого пригородного пространства.

Литература

- Барсукова С.Ю. Неформальная экономика и сетевая организация пространства в России // Мир России: Социология. Этнология. 2000. № 1. С. 52–68.
- Бляхер Л. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. М.: Европа, 2014.
- Бляхер Л. Региональные бароны // Отечественные записки. 2012. № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/regionalnye-barony> (дата обращения: 12.08.2016).
- Бреславский А. Какой может быть российская субурбанизация? // Мир России: Социология. Этнология. 2016. № 1. С. 79–102.

- Бреславский А. С. Что мы знаем о современных российских пригородах? // Вестник Российского университета дружбы народов. 2015. Т. 15, № 4. С. 137–148.
- В Иркутском районе проверяют теплицы // Новости Иркутска. URL: <http://irkutsk-news.net/society/2014/04/28/11426.html> (дата обращения: 12.08.2016).
- Волков В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2012.
- Гериуни Дж. Экономическая социология: либеральные рынки, социальная демократия и использование времени // Западная экономическая социология. Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 400–412.
- Дятлов В. И. От таджика к «таджику» – от этнофобии к мигрантофобии // Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск, 2011. С. 520–525.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000.
- Китайские теплицы хотят снести // СМ Номер один. 2007. № 6. 15 февр.
- Корк Б., Игнатенко С. Тайна китайского помидора // СМ Номер один. 2006. № 24, 22 июня.
- Моляренко О. Формальные и неформальные отношения в информационном обеспечении местного самоуправления (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. соц. наук. Хабаровск, 2016.
- Мосс М. Очерк о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: Восточная литература, 1996. С. 82–222.
- Нефедова Т. Г. Горожане и дачи // Отечественные записки. 2012. № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/gorozhane-i-dachi> (дата обращения: 12.08.2016).
- Олимпиева И. Неформальная экономика лесопользования как объект исследования // Неформальная экономика лесопользования: Участники, практики, отношения (на основе материалов исследования Иркутской области). М.: МОНФ. 2005. С. 9–17.
- Поланы К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.
- Радаев В. В. Экономическая социология. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2008.
- Россия столкнулась с аграрной колонизацией со стороны КНР // DAO KE DAO URL: <http://www.daokedao.ru/2012/08/21/rossiya-stolknulas-s-agrarnoj-kolonizaciej-so-storony-knr/> (дата обращения: 12.08.2016).
- Тутаев К. Сфера промышленного лесопользования: участники и отношения // Неформальная экономика лесопользования: Участники, практики, отношения (на основе материалов исследования Иркутской области). М.: МОНФ. 2005. С. 18–45.
- Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки). М.: Наталис, 2010.
- Appadurai A. Modernity at Lardge: cultural dimensions of globalization. Mineapolis, University of Minesota Press. 1996, 2003. P. 178–201.
- Bichel C. Conflict transformation in Central Asia. Irrigation disputes in the Fergana Valley. London & New York: Routledge, 2009.
- Fava S.F. Suburbanism as a Way of Life // American Sociological Review. 1956. Vol. 21, no. 1. P. 34–37.
- Garroute P., Ioannides S. (eds) Evolution and Path Dependence in Economic Ideas: Past and Present. Edward Elgar Publishing, Cheltenham, England, 2000.
- Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology // Theory and Society. 2000. Vol. 29 (4). P. 507–548.
- Walks A. Suburbanism as a Way of Life, Slight Return // Urban Studies. 2013. Vol. 50 (8). P. 1471–1488.

Grigoriev Konstantin V.

‘SEMI-URBAN FARMERS’ AND ‘CHINESE GARDENERS’: POST-KOLKHOZ RENT IN SUBURBAN INFORMAL ECONOMY*

Abstract. The article analyzes the development of informal economic practices in the non-institutionalized suburban space. The central question consists in how the kolkhoz past influences the development of the post-Soviet suburban economy. The research has been conducted as a case study and draws on a series of semi-structured interviews taken in 2016, as well as on field observations done in the suburbs of Irkutsk in 2009–16; it revealed that underlying the local residents’ informal economic activity is the legacy of kolkhozes which the author has termed ‘post-kolkhoz rent’. The case study identifies several variants of this rent: a transition to absolutely illegal economic activity; a move away from market principles toward reciprocity in economic relations; and the use of the post-kolkhoz rent by means of the contemporary administrative rent. The post-kolkhoz rent also underlies transnational migrants’ business practices associated with the suburban informal economy. Despite the differences in these strategies, sustainable reproduction of informal economic relations as a basis of activity is what all of them have in common. Thus, the system of previous relationships (i.e., the ones that had existed in the kolkhozes) constitutes one of the major factors in the reproduction of informal business practices in the Irkutsk suburbs today.

Keywords: suburbs, informal economy, kolkhozes

*The research is conducted within the fundamental part of the Russian Ministry of Education and Science state task (project, titled ‘Discursive mechanisms of construction of boundaries in the heterogeneous society of the Russian East’) and supported by the grant of Russian Foundation for Fundamental Research (project #16-06-00072, titled ‘The suburban informal economy: the socio-economic development of the suburbs of the Eastern Siberian city (the case of Irkutsk)’).

DOI: 10.17223/2312461X/15/8

References

- Barsukova S.Iu. Neformal'naia ekonomika i setevaia organizatsiia prostranstva v Rossii [Informal economy and network organization of spaces in Russia], *Mir Rossii: Sotsiologiya. Etnologiya*, 2000, no. 1, pp. 52–68.
- Bliakher L. *Iskusstvo neupravliaemoi zhizni. Dal'nii Vostok* [The art of uncontrolled life. The Far East]. Moscow: Izd-vo «Evropa», 2014.
- Bliakher L. Regional'nye barony [The regional barons], *Otechestvennye zapiski*, 2012, no. 3. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/regionalnye-barony> (Accessed 12 August 2016)
- Breslavskii A. Kakoi mozhnet byt' rossiiskaia suburbanizatsiia? [What kind of sub-urbanization can there be in Russia?], *Mir Rossii: Sotsiologiya. Etnologiya*, 2016, no. 1, pp. 79–102.
- Breslavskii A.S. Chto my znaem o sovremennykh rossiiskikh prigorodakh? [What do we know about contemporary Russian suburbs?], *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*, 2015, Vol. 15, no. 4, pp. 137–48.
- V Irkutskom raione proveriaut teplitsy [Greenhouses are being inspected in the Irkutsk district], *Novosti Irkutskia*. Available at: <http://irkutsk-news.net/society/2014/04/28/11426.html> (Accessed 12 August 2016)
- Volkov V. *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Power entrepreneurship, the twenty first century: an economic and sociological analysis]. St. Petersburg: Izd-vo EUSPb, 2012.
- Gershuni Dzh. Ekonomicheskaiia sotsiologiya: liberal'nye rynki, sotsial'naia demokratiia i ispol'zovanie vremeni [Economic sociology: liberal markets, social democracy, and the use of time], *Zapadnaia ekonomicheskaiia sotsiologiya Zapadnaia ekonomicheskaiia sotsiologiya: Khrestomatiia sovremennoi klassiki* [Western economic sociology. Western economic sociology: a collection of modern classical works]. Moscow: ROSSPEN, 2004, pp. 400–412.

- Diatlov V.I. Ot tadjhika k "tadjhiku" - ot etnofobii k migrantofobii [From a Tajik to a 'Tajik' – from ethno-phobia to migrant phobia], *Vostok Rossii: migratsii i diaspori v pereselencheskoi obshchestve. Rubezhi XIX-XX i XX-XXI vekov* [The East of Russia: migrations and Diasporas in a society of resettlers at the turn of the 19th – 20th and 20th – 21st centuries]. Nauch. red. V.I. Diatlov [Edited by V.I. Dyatlov]. Irkutsk, 2011, pp. 520–525.
- Kastel's M. *Informatsionnaia epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura* [The information age: economics, society, and culture]. Moscow, 2000.
- Kitaiskie teplitsy khotiat snesti [They want to demolish the Chinese greenhouses], *SM Nomer odin*, no. 6, 15 February 2007.
- Kork B., Ignatenko S. Taina kitaiskogo pomidora [The secret of the Chinese tomato], *SM Nomer odin*, no. 24, 22 June 2006.
- Moliarenko O. *Formal'nye i neformal'nye otnosheniia v informatsionnom obespechenii mestnogo samoupravleniia (sotsiologicheskii analiz): avtoref. diss. ... kand. sots. nauk* [Formal and informal relationships in information support for local governments (a sociological analysis): a summary of a Candidate of Sciences (Sociology) dissertation]. Khabarovsk, 2016.
- Mauss M. Ocherk o dare [An essay on the gift], *Mauss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost'* [Mauss M. Societies. Exchange. Personality]. Moscow: Vostochnaia literatura, 1996, pp. 82–222.
- Nefedova T.G. Gorozhane i dachi [City dwellers and countryside houses], *Otechestvennye zapiski*, 2012, no. 3. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/gorozhane-i-dachi> (Accessed 12 August 2016).
- Olimpieva I. Neformal'naia ekonomika lesopol'zovaniia kak ob"ekt issledovaniia [The informal forest economy as a research focus], *Neformal'naia ekonomika lesopol'zovaniia: Uchastniki, praktiki, otnosheniia (na osnove materialov issledovaniia Irkutskoi oblasti)* [The informal forest economy: actors, practices, and relationships (based on the case study of Irkutsk region)]. Moscow: MONF, 2005, pp. 9–17.
- Polan'i K. *Velikaia transformatsiia: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The great transformation: political and economic origins of our time]. St. Petersburg: Aleteiia, 2002.
- Radaev V.V. *Ekonomicheskaia sotsiologiia* [Economic sociology]. Moscow: Izd. Dom GU VShE, 2008.
- Rossia stolknulas' s agrarnoi kolonizatsiei so storony KNR [Russia is confronted with the PRC's agrarian colonization], *DAO KE DAO*. Available at: <http://www.daokedao.ru/2012/08/21/rossiya-stolknulas-s-agrarnoj-kolonizatsiej-so-storony-krn/> (Accessed 12 August 2016).
- Titaev K. Sfera promyshlennogo lesopol'zovaniia: uchastniki i otnosheniia [The industrial forest use: actors and relationships], *Neformal'naia ekonomika lesopol'zovaniia: Uchastniki, praktiki, otnosheniia (na osnove materialov issledovaniia Irkutskoi oblasti)* [The informal forest economy: actors, practices, and relationships (based on the case study of Irkutsk region)]. Moscow: MONF, 2005, pp. 18–45.
- Humphrey C. *Postsovetskie transformatsii v aziatskoi chasti Rossii (antropologicheskie ocherki)* [Post-Soviet transformations in the Asian part of Russia (anthropological essays)]. Moscow: Natalis, 2010.
- Appadurai A. *Modernity at Large: cultural dimensions of globalization*. Mineapolis, University of Minesota Press. 1996, 2003, pp. 178–201.
- Bichel C. *Conflict transformation in Central Asia. Irrigation disputes in the Fergana Valley*. London & New York: Routledge, 2009.
- Fava S.F. Suburbanism as a Way of Life, *American Sociological Review*, 1956, Vol. 21, no. 1, pp. 34–37.
- Garrouste P., Ioannides S. (eds) *Evolution and Path Dependence in Economic Ideas: Past and Present*. Edward Elgar Publishing, Cheltenham, England, 2000.
- Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology, *Theory and Society*, 2000, Vol. 29 (4), pp. 507–548.
- Walks A. Suburbanism as a Way of Life, Slight Return, *Urban Studies*, 2013, Vol. 50 (8), pp. 1471–1488.